

М. Ольминский

Свобода печати

№ 301

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Ольминский**
Свобода печати: № 301 / М. Ольминский – М.: Книга по Требованию, 2020. –
78 с.

ISBN 978-5-518-00170-1

ISBN 978-5-518-00170-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нихъ мѣсяцевъ: читатель сможетъ привести ихъ самъ, порывшись немного въ своей памяти. Ограничусь указаніемъ, что эти факты дали достаточное количество блестящихъ доказательствъ вѣрности теоріи «узкихъ» идеологовъ «последняго изъ классовъ» вообще,—и въ частности вѣрности указанія этихъ идеологовъ на отношеніе между экономической базой и идеологическими надстройками. Идеи свободы слова, печати, собраній и союзовъ, подобно другимъ идеологическимъ надстройкамъ, являются лишь выраженіемъ классовой идеологіи.

«Свобода»,—это слово готовъ привѣтствовать представитель каждаго изъ классовъ, но въ тоже время каждый классъ вкладываетъ въ понятіе свободы свое особое, классовое содержаніе. Славянофилъ Ив. Аксаковъ въ 1862 году въ началѣ своего проекта законовъ о печати провозглашаетъ: «Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской Имперіи безъ различія званія и состоянія»,—и вслѣдъ затѣмъ предлагаетъ рядъ ограниченій, настолько существенныхъ, что отъ «неотъемлемаго права» остается жалкій лоскутъ бумаги. И въ теченіе сорока лѣтъ наши «не-узкіе» писатели цитируютъ слова Аксакова; они превозносятъ его, какъ борца за свободу печати, умалчивая объ ограниченіяхъ аксаковскаго проекта! Если читатель удосужится просмотрѣть весь проектъ Аксакова (напечатанный въ полномъ собраніи его сочиненій), то онъ легко пойметъ, почему превозносятъ аксаковскую «свободу» люди, далеко не заинтересованные въ томъ, чтобы рѣшительно всѣ классы могли послѣдовательно отстаивать въ печати свои интересы; онъ пойметъ тогда и всю классовую ограниченность поборниковъ идеи соглашенія во имя торжества общечеловѣческихъ идеаловъ добра и справедливости. Еще полнѣе вскроется классовое пониманіе идеи свободы печати, если мы познакоимся съ развитіемъ этой идеи въ Россіи за болѣе продолжительный періодъ времени. Печатнымъ словомъ не

исчерпываются, конечно, способы коллективнаго обсуждения и коллективной дѣятельности. Но, ознакомившись съ развитіемъ идеи свободы печати, мы априорно составимъ себѣ понятіе какъ о характерѣ, такъ и о ходѣ развитія идеи всѣхъ остальныхъ свободъ.

Какъ развивалась въ Россіи идея свободы печати? Почему мы свободно читаемъ, напримѣръ, многія изъ пушкинскихъ произведеній, которыя наши дѣды передавали другъ другу въ рукописяхъ? Вопросъ этотъ не только не разработанъ нашими историками,—онъ, можно сказать, даже не былъ поставленъ. Въ силу общераспространеннаго предрасудка предполагается, будто читатели и, еще болѣе, писатели всегда были враждебны стѣсненіямъ печати, что они всегда были недовольны препятствіями, которыя будто бы приходятъ лишь откуда-то извнѣ.

Несмотря на общее признаніе, что печать является лишь отраженіемъ жизни, историки русской печати очень медленно углубляются въ существо общественныхъ отношеній, сравнительно рѣдко пытаются объяснить минушія судьбы печати общими условіями жизни. Изъ внѣшнихъ факторовъ, такъ или иначе вліявшихъ на развитіе печати, болѣе всего почастливилось изученію законодательныхъ и административныхъ воздѣйствій. По исторіи законодательства о печати и по исторіи дѣятельности цензурныхъ учрежденій мы имѣемъ нѣсколько объемистыхъ изслѣдованій.

Тенденціи законодательства и способы проведенія его въ жизнь достаточно выяснены. Фактовъ опубликовано великое множество. Во всѣхъ изслѣдованіяхъ по этому вопросу можно безъ труда подмѣтить субъективную ноту жалобы заднимъ числомъ на чрезмѣрныя строгости со стороны органовъ власти. Русскому писателю нашего времени, привыкшему къ нынѣшнимъ условіямъ, кажутся произвольными тѣ ограниченія, которымъ подвергалась дѣятельность писателей болѣе раннихъ историческихъ періодовъ. Стѣсненія печати были не-

обычайны, —этимъ банальнымъ выводомъ почти исчерпывается результатъ историческихъ изслѣдованій.

Видя ограниченія исходящими изъ опредѣленныхъ учреждений или отъ отдѣльныхъ лицъ, изслѣдователи рѣдко пытались или, вѣрнѣе сказать, вовсе не дѣлали сколько-нибудь систематическихъ попытокъ заглянуть подальше учреждений, вскрыть зависимость распоряженій о печати отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя глубже и могущественнѣе всякихъ учреждений. А между тѣмъ болѣе глубокое изслѣдованіе показало бы, что голое субъективно-отрицательное отношеніе къ фактамъ и дѣятелямъ прошлаго болѣе чѣмъ банально и бесплодно: оно несправедливо. Знакомство съ общественными отношеніями данной эпохи показало бы, что имена Магницкаго, Красовскаго, Бирукова и другихъ, ставшія въ извѣстномъ смыслѣ нарицательными, вовсе не заслуживаютъ такого выдѣленія, какого ихъ удостоиваютъ. Причины той или иной системы дѣйствій по отношенію къ печати нужно искать не въ произволѣ лицъ и учреждений, а въ условіяхъ, которыя опредѣляютъ общій характеръ жизни въ странѣ, —въ той стадіи экономическаго развитія, на которой стояла жизнь народа.

Распространенію предразсудка, о которомъ я упомянулъ выше, способствовало обиліе писательскихъ сѣтованій на цензуру. Но сѣтованія и жалобы могутъ означать личное недовольство собственнымъ положеніемъ или раздраженіе по случаю частныхъ неудачъ: онѣ еще не опредѣляютъ міросозерцанія жалующагося. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ признавалъ, что цензура угнетаетъ разумъ, а Жуковскій говорилъ, что цензурѣ трудно быть не незѣпой, —однако же изъ этого не слѣдуетъ, что Карамзинъ и Жуковскій принципиально отрицали пользу или необходимость цензуры. И вообще подобными фразами очень мало опредѣляется степень широты пониманія идеи свободы печати.

Всѣ стѣсненія свободы печати приписываются цензурѣ.

Прочтите извѣстную книгу Скабичевскаго по исторіи цензуры: получается впечатлѣніе, будто ученые, литераторы и все общество постоянно стремятся къ свободѣ печати, а цензура только и дѣлаетъ, что препятствуетъ. Подобно Скабичевскому П. Н. Полевой говоритъ о времени конца царствованія Александра I: «По мѣрѣ усиленія реакціи первый цензурный уставъ сталъ представляться адми н и с т р а ц і и слишкомъ слабымъ ¹⁾». Валить всѣ вины на одну администрацію склоненъ иногда и Пыпинъ. Въ исторіи русской лит. (т. IV гл. XXXVII) онъ замѣчаетъ, что подозрительное отношеніе къ литературѣ и недовѣріе къ просвѣщенію, толчекъ которымъ данъ Екатериной II, остались въ Россіи и по сіе время. Въ другой разъ Пыпинъ взглянулъ на предметъ немного глубже; онъ нашелъ, что цензура— только частное проявленіе цѣлаго порядка понятій, который и безъ цензуры оказывалъ бы литературѣ стѣсненія, да оказывается и при цензурѣ ²⁾. Фраза о толчкѣ, данномъ Екатериной II, странно противорѣчитъ утвержденію того же автора, что свободѣ мысли вездѣ приходилось вести борьбу съ суевѣріемъ и предрасудками. Согласно своему общему міровоззрѣнію, Пыпинъ во всякомъ случаѣ не могъ, въ объясненіи даннаго явленія, пойти дальше ссылки на «порядокъ понятій». На самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XIX в., цензурное вѣдомство и высшая власть верѣдко шли впереди русской интеллигенціи, защищая право свободнаго изслѣдованія и право критики противъ покушеній со стороны литераторовъ и ученыхъ. Писатели сплошь и рядомъ жаловались на чрезмѣрные цензурныя послабленія. Цензоръ—случалось—присылаетъ въ редакцію собственную статью, а редакторъ препровождаетъ

¹⁾ Курсивъ мой. См. Полевого: „Ист. русск. словесности“, изд. Маркса 1900 г., вып. VIII, стр. 645.

²⁾ „Характеристики литер. мнѣній“, стр. 2 и 14.

ее высшему начальству, какъ доказательство вольномыслія цензора. И общество, и писатели порывались уничтожать крупныя литературныя произведенія, которыя спасались только благодаря заступничеству Николая I. «Общество притѣснительнѣе цензуры!»—можно было слышать отъ людей, приглядывавшихся къ положенію печати. И въ составъ этого общества входили писатели, редакторы, профессора и академики.

Вопросъ о томъ, какъ развивалась въ Россіи идея свободы печати, почти не затронутъ историками. Эта идея у насъ гораздо новѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Наблюдать процессъ ея развитія можно двоякимъ путемъ. Можно искать въ прошломъ протесты противъ стѣсненій и указанія на минимальныя требованія, предъявляемыя дѣятелями печати. Но этотъ путь не всегда удобенъ: не всегда можно вѣрить въ искренность прославленія свободы слова, и недовольство отдѣльными цензорами можно ошибочно принять за отрицаніе цензуры вообще. Удобнѣе наблюдать случаи, когда писатели и ученые на дѣлѣ поступали вопреки призванію принципа свободы печати. Факты этого рода отмѣчались историками литературы попутно съ исторіей развитія различныхъ эстетическихъ и общественныхъ теченій. Къ сожалѣнію, и тутъ историки даютъ меньше, чѣмъ могли бы дать: они стыдливо стараются проходить мимо подобныхъ фактовъ, изъ боязни запятнать честь литературы. Причина такой боязни—отсутствіе исторической точки зрѣнія и бессознательный классовый инстинктъ.

Неумѣстную стыдливость обнаруживаютъ и публицисты. Н. К. Михайловскій, напримѣръ, былъ однажды до того потрясенъ обиліемъ доносозвъ въ русской литературѣ, что воскликнулъ: «Есть ли предѣлъ паденію достоинства русской литературы? Особенно характерны эти жалобы на неблагонамѣренность или, по крайней мѣрѣ, на недостаточную дѣятельность цензурнаго вѣдомства. Очень интересна, но и

очень отвратительна эта парадоксальная струя, проходящая через всю историю русской литературы... Но о нихъ (о литературныхъ доносчикахъ) мы не будемъ распространяться, — слишкомъ это самоубийственное течение гнусно¹⁾. Указываемое Михайловскимъ явление очень интересно, — это вѣрно. Но не резонъ отказываться отъ его изученія только потому, что оно кажется гнуснымъ, т. е. вреднымъ. Совершенно напротивъ.

Попробуемъ же приподнять флѣръ сентиментальной стыдливости, которымъ до сихъ поръ прикрывали прошлое русской литературы. Постараемся уяснить себѣ явление и его причины. Тогда легче будетъ найти и способы для предотвращенія зла на будущее время.

I.

Императрица Екатерина II переписывала въ свой Наказъ афоризмы Монтескье: «все превращаетъ и опровергаетъ тотъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное: великое было бы несчастіе въ государствѣ, если бы не смѣлъ никто... свободно говорить своего мнѣнія». Несмотря на столь авторитетное мнѣніе о пользѣ свободы слова, въ XVIII вѣкѣ далеко не обо всемъ считалось возможнымъ писать даже въ научныхъ сочиненіяхъ по исторіи. «Сомпѣваться въ томъ, что апостоль Андрей крестилъ славянъ, было неприлично: это значило... опровергать православную вѣру и законъ. Производить руссовъ не отъ Руса, а отъ норманновъ, было неприлично: это значило представлять русскихъ подлымъ вародомъ... Даже въ занятіяхъ родословными могли оказаться такія же затрудненія», потому что пришлось бы нѣкоторые роды вести отъ Рюрика, а вы-

¹⁾ Р. Бог., 1900 г., № 11, стр. 111 и 113

сочайшую фамилію отъ дворянъ Кобылинныхъ ¹⁾). Историкъ Миллеръ признавалъ, что есть вещи, которыя нельзя рассказывать. Но умѣренность и осторожность не оградили его отъ навѣтовъ лицъ, стоявшихъ на стражѣ порядка.

Ломоносовъ доносилъ, что Миллеръ унижаетъ Россію, рассказывая иностранцамъ о смутномъ времени; для славы отечества нашъ знаменитый ученый готовъ былъ воспретить изученіе цѣлой исторической эпохи. Мало того: достаточно было Миллеру одобрительно отозваться о чистоплотности чувашей, чтобы Ломоносовъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ фактѣ начальству, какъ о доказательствѣ, что Миллеръ желаетъ унижить русскихъ, противопоставляя имъ инородцевъ. Но однажды Ломоносову вздумалось написать шуточный гимнъ бородѣ,—и другой стражъ общественной безопасности—Тредьяковскій—обвинилъ Ломоносова въ безбожномъ намѣреніи обругать христіанское ученіе и таинства вѣры. Тредьяковскій требовалъ примѣрнаго наказанія богухульника.

Пушкинъ упоминаетъ о какомъ-то доносѣ Сумарокова на Ломоносова. Но и самъ Сумароковъ подвергся со стороны Тредьяковскаго обвиненію въ распространеніи безбожной идеи о множественности міровъ. Синодъ, получивши этотъ доносъ, сдѣлалъ Императрицѣ представленіе о конфискаціи издававшихся при академіи «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», въ которыя вошла безбожная статья.

Въ екатерининскую эпоху принято было хвастаться покровительствомъ, оказываемымъ энциклопедистамъ. Утверждали, что Россія пользуется бѣльшей свободой слова, чѣмъ Европа.

Державинъ прославлялъ Фелицу за то, что она знать и мыслить позволяетъ и о себѣ не запрещаетъ и быть, и не быть говорить. Это не помѣшало, какъ говорить, Державину

¹⁾ Милуковъ. „Главные теченія русск. истор. мысли“, т. I, стр. 14.

написать эпиграмму во слѣдъ осужденному Радищеву. Какъ вообще были въ то время понятія о свободѣ слова, показываетъ исторія съ Новиковымъ.

Новиковъ уже въ молодости имѣлъ склонность къ мистицизму и вступилъ въ сношенія съ розенкрейцерами,—представителями мистическаго направленія въ Германіи. Онъ дѣйствовалъ въ оппозицію направленію, выражаемому французской философіей. Изъ всей этой философіи, по свидѣтельству Пыпина, Новиковъ принялъ только общее исканіе справедливости, понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, нѣкоторую долю вѣротерпимости и требованіе законности. Изъ среды массоновъ, работавшихъ рядомъ съ Новиковымъ, вышли впоследствии самые непримиримые обскуранты, писавшіе доносы даже на Карамзина. Несмотря на все это, достаточно было Новикову высказать нѣсколько новыхъ для того времени идей, чтобы вызвать къ дѣйствию добровольцевъ, требовавшихъ стѣсненія литературы. Отголосокъ этого можно найти въ произведеніяхъ самого Новикова. Тамъ одинъ изъ персонажей—«придворный господчикъ»,—высказываетъ сожалѣніе, что прошли старыя времена, когда за свободное слово посылали, для пользы государства, «описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія». Въмѣсто описанія нравовъ Новикову вскорѣ пришлось созерцать стѣны шлиссельбургскихъ казематовъ.

Радищевъ повѣрилъ искренности прославленія свободы печати и палъ жертвой своего простодушія. Онъ думалъ, что слѣдуетъ всякому заблужденію позволить быть явнымъ: «явнѣ оно будетъ, скорѣй сокрушится». По словамъ Пыпина, Радищевъ былъ чуждъ политики; онъ не сочувствовалъ «необузданностямъ» французской революціи; это—идеалистъ, воспитавшійся на отвлеченныхъ понятіяхъ о правахъ человѣка; въ его смѣлости поражаетъ именно простодушіе, съ которымъ онъ считалъ возможнымъ высказывать свои мнѣнія въ Россіи того времени. Даже другъ Ра-

дищева, масонъ Кутузовъ, писалъ: «я не перестану никогда твердить, что критика настоящаго правленія есть непозволенное дѣло и нимало не принадлежитъ къ литературѣ». (См. Милюкова. «Оч. по ист. р. культуры», Миръ Б. 1902 г. №11).

При переходѣ къ первой половинѣ XIX вѣка въ памяти читателя прежде всего должны воскреснуть фигуры Булгарина и Греча, наиболѣе прославившихся на поприщѣ доносительства. Послѣ 1826 года издаваемые ими «Сынъ Отечества», а затѣмъ—«Сѣверная Пчела», приобрѣли, благодаря доносамъ, особое благоволеніе начальства ¹⁾. По словамъ Пушкина, русская литература была головой выдана Булгаринѣ и Гречу. Предполагая начать хлопоты о разрѣшеніи издавать журналъ, Пушкинъ предупреждалъ кн. Вяземскаго, что это нужно дѣлать тайно, чтобы не провѣдали Гречь и Булгаринъ: иначе они тотчасъ явятся со своими доносамъ, и тогда съ ними не справишься.

Имя Булгарина встрѣчается, по словамъ Ив. Иванова, во всѣхъ литературныхъ драмахъ того времени. По его винѣ Тургеневъ подвергся преслѣдованію за статью о Гоголѣ; Бѣлинскаго онъ обвинялъ въ политическихъ преступленіяхъ, въ измѣнѣ и ренегатствѣ. «Онъ невозбранно геройствуетъ въ роли опричника и кричитъ «слово и дѣло» гораздо раньше, чѣмъ опасность бросается въ глаза цензурѣ и начальству. У него двойная цѣль: выместить на другихъ свои собственныя цензурныя огорченія и обезпечить себѣ привилегированное положеніе усердіемъ приспѣшника и доносчика ²⁾.

И Булгаринъ, и Гречь дѣйствовали, по словамъ Скабичевскаго ³⁾, единственно изъ самолюбія и барышничества. Они втирались въ знакомство съ людьми, имѣющими власть,

¹⁾ Скабичевскій. «Сорокъ лѣтъ русской критики.» Собр. соч. стр. 316.

²⁾ Ив. Ивановъ. «Ист. русск. критики», стр. 365.

³⁾ «Очерки изъ ист. р. цензуры», стр. 298.

и пользовались, приличныхъ съ ними разговорахъ, случаемъ бросить тѣнь на благонадежность литературныхъ противниковъ. Они въ этомъ «не только не видѣли ничего предосудительнаго, а напротивъ того полагали честь и долгъ всякаго благонамѣреннаго гражданина». Далѣе мы увидимъ, что не одни Булгаринъ да Гречъ полагали въ доносахъ «честь и долгъ» гражданина.

Безвозбранно нападая на противниковъ, Булгаринъ и Гречъ пользовались особымъ правомъ неприкосновенности. Даже частныя извѣстія, помѣщаемыя въ ихъ газетѣ, не могли подвергаться опроверженію: извѣстія поставлялись въ газету Бенкендорфомъ, который считалъ по этому всякое опроверженіе ихъ подрывомъ довѣрія къ правительству.

Иногда своимъ усердіемъ Булгаринъ возстановлялъ противъ себя даже цензуру. Однажды онъ обвинилъ «Отечественныя Записки» въ томъ, что онѣ унижаютъ Жуковскаго, автора гимна «Боже, царя храни». Цензура погрозила не пропускать впередъ «подобныхъ мерзостей». Тогда Булгаринъ обвинилъ цензоровъ въ поощреніи революціонеровъ, требовалъ о доведеніи дѣла до свѣдѣнія Императора и даже грозилъ обратиться къ прусскому королю, чтобы черезъ него повліять на русское правительство. Своими доносами Булгаринъ держалъ въ страхѣ всю администрацію. Гречъ однажды забраковалъ, какъ не цензурную, статью, представленную въ редакцію самимъ цензоромъ, и донесъ на послѣдняго. Благодаря соперничеству между собой цензоровъ и писателей-доносчиковъ, въ литературѣ въ концѣ концовъ создалась такая атмосфера, что даже самъ Булгаринъ, говорить, тяготился ею. Не избѣгнулъ онъ и цензурныхъ преслѣдованій: однажды въ неодобрительномъ отзывѣ объ извозчикахъ былъ усмотрѣнъ упрекъ чиновникамъ, плохо надзирающимъ за извозчиками. Подъ конецъ жизни Булгаринъ доведенъ былъ цензурой до того, что восклицалъ: «Гдѣ мы живемъ! За что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и